

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ
В СИСТЕМЕ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ**

Хилюта Вадим Владимирович
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
УО «Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы»
г. Гродно, Беларусь
E-mail: tajna@tut.by

Предмет исследования: в статье рассматривается вопрос о сущности общественной опасности и ее значении в процессе криминализации общественных отношений. Намечены векторы развития криминализации.

Цель исследования: определить критерии криминализации общественных отношений в системе мер уголовно-правового воздействия в структуре уголовного права и перспективы их дальнейшего совершенствования.

Методы и объекты исследования: при проведении исследования использовались традиционные методы социально-правового и формально-догматического анализа: документальный, историко-правовой, аналитический, системный, логический.

Основные результаты исследования: автором констатируется, что уголовное право классического типа вытесняется уголовным правом утилитарного типа, где понятие преступления связано с причинением вреда, а общественная опасность играет вспомогательную функцию. В системе мер безопасности общественная опасность деяния не формирует уголовно-правовой запрет. В основе криминализации лежит элемент целесообразности. Трансформация предмета и метода уголовного права ведет к тому, что идея безопасности, доминирующая в настоящее время при криминализации общественных отношений, предопределяет построение уголовного права превентивного типа.

Ключевые слова: общественная опасность, криминализация, уголовно-правовое воздействие, преступление, уголовное право, уголовная ответственность.

**PUBLIC DANGER AND CRIMINALIZATION
IN THE SYSTEM OF SECURITY MEASURES**

Vadim V. Khilyuta
Doctor of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminalistics,
Yanka Kupala State University,
Grodno, Belarus
E-mail: tajna@tut.by

Subject of research: the article deals with the issue of the essence of public danger and its significance in the process of criminalization of public relations. The vectors of criminalization development are outlined.

Purpose of research: to determine the criteria for criminalization of public relations in the system of measures of criminal legal influence in the structure of criminal law and the prospects for their further improvement.

Methods and objects of research: the study used traditional methods of socio-legal and formal dogmatic analysis: documentary, historical and legal, analytical, systematic, logical.

Main results of research: according to the results of the study, the author states that the criminal law of the classical type is being replaced by the criminal law of the utilitarian type, where the concept of crime is associated with causing harm, and public danger plays an auxiliary function. In the system of security measures, the public danger of an act does not form a criminal law prohibition. Criminalization is based on the element of expediency. The transformation of the subject and method of criminal law leads to the fact that the idea of security, which currently dominates the criminalization of public relations, determines the construction of preventive criminal law.

Keywords: public danger, criminalization, criminal impact, crime, criminal law, criminal liability.

Введение

Общественная опасность является одним из фундаментальных и системообразующих понятий уголовного права. Можно даже без преувеличения сказать, что все отечественное уголовное право покоится на данном понятии – общественная опасность. Помимо того, что это понятие определяет сущность преступления, и *de facto* предопределяет его, общественная опасность пронизывает все уголовное право и его центральные институты: преступление и наказание.

Казалось бы, при столь значимой пропозиции данного института для уголовного права, понятие и характеристика общественной опасности должны были быть детально определены и разработаны не только в самом уголовном праве, но в его доктрине, в первую очередь. И не скажешь, что этого не произошло и нам ничего по этому поводу не известно, однако определенный «осадок» при исследовании данного института всегда остается, т.к. в его функциональном состоянии присутствует некая недосказанность и нерешенность. Связано это во многом и с тем, что за пределы аксиоматичного определения того, что общественная опасность характеризуется причинением вреда или созданием угрозы причинения вреда общественным отношениям (а по сути личности, обществу или государству), выйти так и не удалось. Именно поэтому общественную опасность сегодня стали характеризовать как фантом, ибо во многом ее смысловое и содержательное наполнение зависит от чисто субъективных факторов и обстоятельств, связанных с конъюнктурной ситуацией, целесообразностью (политической, экономической, социальной), историческим моментом развития государства и социума в целом.

Наверное, не без оснований по этой причине сегодня все так настойчивее звучат призывы к отказу от данной правовой дефиниции и чисто теоретической конструкции, не имеющей содержательной составляющей. Как раз это связывается с неопределенностью и противоречивостью понимания общественной опасности, невозможностью интегрирования ее смыслового значения в правоприменительную деятельность и т.д. Все это, в конечном счете, ведет к формулированию понятия преступления как исключительно противоправного деяния.

Результаты и обсуждение

Итак, общественная опасность – это признак преступного поведения (преступления, как указывает законодатель), наряду с противоправностью, виновностью, наказуемостью. Тем не менее, вопрос о том, является ли общественная опасность содержательной сущностью (законодательным признаком) преступления, весьма открыт. И если общественная опасность это всего лишь признак преступления (о чем и говорит законодатель), то вполне понятно, что общественная опасность как один из признаков преступления, не может характеризовать сущность самого преступления в целом.

На наш взгляд, преступление всегда по определению должно причинять вред (общественным отношениям, благам, интересам и т.п.). Однако если преступление причиняет вред, то, соответственно, то, что вред не причиняет – преступлением не является. В этой связи общественная опасность, понимаемая как признак деяния, причиняющего вред или создающего угрозу его причинения, не вполне отвечает критерию (признаку) самого преступления, т.к. не может быть общественно опасно то, что еще не причинило вреда. Здесь очень важен отбор критериев, на основе которых можно было бы вполне определенно и недвусмысленно сказать о том, что некие деяния не причиняя вреда, способны его причинить в будущем и по этому основанию в дальнейшем это повлечет наступления общественно опасных (вредных) последствий.

Вместе с тем, говоря об общественной опасности, как о признаке преступления, со всей очевидностью можно указать, что общественная опасность в большей мере проявляется в том вреде, который возникает в результате противоправного поведения человека и в меньшей степени – в самом деянии, которое и влечет наступление вреда. Если все же вред не представляет большой вредоносности, т.е. опасности, то такое деяние мы не именуем преступлением, как и в тех ситуациях, когда сам акт человеческого поведения не представляет большой опасности. Следовательно, общественная опасность преступления прямым образом аккумулируется в том вреде, который наступил в результате совершения деяния или же мог наступить. Каким бы само по себе деяние не было опасным, мы всегда его рассматриваем через призму возможного причинения вреда (материального или нематериального) и его последствиях.

Это обстоятельство указывает на то, что преступление непосредственным образом связано с вредом (ущербом), который возникает или может возникнуть в результате совершенного деяния (противоправного акта человеческого поведения). Поэтому не спроста общественную опасность сравнивают с общественной вредоносностью.

Сама постановка вопроса о криминализации определенного поведения и объявлении его преступным непременно завязана на понимании того, что есть общественная опасность и какое значение она играет при установлении уголовной ответственности за то или иное поведение. Однако на самом деле простая аксиома относительно того, что, то или иное поведение должно быть общественно опасным для того, чтобы оно превратилось в преступление, не снимает и не решает проблемы по поводу того, какое это все-таки должно быть поведение (деяние).

Безусловно, здесь важны критерии, и теория уголовного права вкупе с криминологией при ответе на вопрос о том, каковы же эти критерии криминализации опасных деяний, пытается их обозначить. Это могут быть и поводы (оценка событий случайного характера; возникновение новых общественных отношений; необходимость усиления охраны конкретных прав и свобод человека; неблагоприятная динамика отдельных видов человеческого поведения), и основания (распространенность деяния; уровень воздействия на общественные отношения; характер и вид ущерба (вреда), его значимость; уровень общественного правосознания, устоявшиеся в обществе традиции) и принципы (полноты состава преступления; единства терминологии; неизбыточности запрета; экономии репрессии и т.д.) криминализации. Однако по тем же соображениям такие же критерии мы можем приводить и при обсуждении вопроса о том, что это является административным правонарушением и, собственно говоря, отвечать все равно необходимо будет на вопрос о том, почему определенный деликт был объявлен именно правонарушением, а не чем-то иным.

При всей оценочности существующих аспектов понимания того, что представляет собой общественная опасность деяния и как эта категория влияет на криминализацию противоправного поведения, мы можем лишь в этой ситуации констатировать простую вещь: общественная опасность напрямую производна от целесообразности. Именно целесообразностью руководствуется законодатель и власть предрежающие в вопросе о том, какое деяние именовать преступлением, а какое – нет. А под этот процесс в выгодном и нужном формате будут встраиваться определенные критерии, разработанные доктриной уголовного права для решения вопроса о криминализации общественно опасного деяния. Условно говоря, эта ситуация явно указывает на то, что, когда будет нужно, возьмем, например, показатель распространенности деяния, его

масштаб и т.д. А когда будет необходимо, за основу будем брать совсем иные критерии, а эти (вышеприведенные) отодвинем на второй план. То есть, это указывает на то, что при необходимости могут быть задействованы любые поводы, основания и принципы криминализации.

Изложенное позволяет нам утверждать, что сегодня тот акцент, который мы фиксируем в понятии «общественная опасность» непременно смещается в сторону безопасности существующего правопорядка, государства в целом, а не интересов общества и конкретной личности. Иначе говоря, общественная опасность теперь больше связана с институтом безопасности власти и государства.

Таким образом, криминализация как явление и процесс отражает суть той политики, которая функционирует в государстве в конкретно-определенный промежуток времени, и в этом отношении все разговоры о правилах, критериях, основаниях криминализации сегодня тщетны, потому что практика последних лет и общественно-политическая ситуация указывают на то, что в основе криминализации прямым образом лежит идея целесообразности и социально-политической конъюнктуры. При этом целесообразность, как мы отмечали, имеет в своей основе суждение о безопасности государства и того правопорядка, который нормативно закреплён, а не прописные истины о правах и свободах человека. Эти права и свободы человека сегодня приобретают сопутствующий, а не основной компонент в вопросе криминализации.

Более того, никакие международно-правовые нормы и правила не составляют более той системы, на основе которой бы выстраивалась унифицированная модель уголовного права и единообразная политика криминализации общественно опасных явлений. Международные уголовно-правовые нормы и стандарты не имеют сегодня авторитета и того пронизывающего потенциала уголовно-правового воздействия как инструмента тотальной политики и единого начала. И связано это, в первую очередь, с деглобализацией права, его многообразием. Отсюда становится очевидным, что криминализация того или иного поведения человека (деяния) измеряется не общественной опасностью деяния, а характером безопасности нормативно установленного правопорядка и критерием конъюнктурной целесообразности момента.

Итак, в настоящее время криминализация рассматривается как своеобразный ресурс власти, который позволяет государству реализовывать свои задачи и укреплять их социальное значение. Этот процесс является ординарным средством, усиливающим репрессивную составляющую. Таким образом, выступая в качестве эксклюзивного права государства, криминализация сегодня направлена на защиту институтов и органов государственной власти, и является средством реализации проводимой государством политики (не столько уголовно-правовой, сколько в общем). Об этом могут отчетливо свидетельствовать последние изменения, вносимые в уголовный закон. В этом контексте именно государство воспринимается в качестве единственного и незыблемого субъекта криминализации определенного рода деяний, какие бы тенденции ранее мы не наблюдали (а это могли быть процессы передачи определенных функций гражданскому обществу или наднациональным международным формированиям), а равно процесс лоббирования определенными субъектами или международными организациями принятия нужных им решений.

В подтверждении правильности тезиса о том, что криминализация теснейшим образом связана с целесообразностью, могут свидетельствовать не только общественно-политические тенденции, происходящие в обществе, сколько мотивы принимаемых решений, которые по большому счету никто толком не объясняет. Еще один показатель этого процесса – это экспансия правоприменительной практики, которая порой заменяет собой законотворчество и подменяет процесс разъяснения порядка применения уголовно-правовых норм их расширительным толкованием, что также свидетельствует о скрытой криминализации общественных отношений.

В такой парадигме криминализация всегда направлена на обеспечение безопасности органов власти, существующего строя, проводимой государственной политики. И в данном вопросе, как мы уже отмечали, права человека, их защита и соблюдение не служат индикатором того, что мы называем критериями общественной опасности и, соответственно, мерилom криминализации отклоняющегося поведения. Как полагает Н.В.Генрих, последние тенденции прово-

димой уголовно-правовой политики указывают на то, что «вводятся запреты на любые деяния, связанные с посягательством на само существование или с негативным воздействием на функционирование властных институтов, и дополнительно устанавливаются повышенные гарантии безопасности представителей власти» [1, с. 49]. Таким образом, криминализация сегодня больше тяготеет к охране общественных отношений и предупреждению новых форм антиобщественного поведения, но никак не направлена на регулирование общественных отношений.

В настоящий момент весьма неоднозначен тезис о том, что криминализация в основе своей видит права человека и гражданина, и именно права и свободы человека определяют содержательную часть процесса криминализации. Государство не должно вмешиваться в права и свободы личности (человека), а при осуществлении такого шага оно должно четко обосновывать данную меру, потому как произвольная криминализация общественных отношений в угоду политической или иной целесообразности не может иметь место, даже если криминализация осуществляется под лозунгами безопасности государства, общества и индивида. Этот довод связан с тем посылом, что уголовное право «всегда рассматривалось как объективизация именно права, а не обязанности государства применять публичное уголовное наказание» [1, с. 61].

Не будем забывать, что криминализация направлена на обеспечение коллективной безопасности, однако государство не может рассматривать уголовное право исключительно через призму средства применения наказания к тем, кто посягает на властные устои. В любом случае здесь должны быть учтены ценности, которые являются значимыми не только для самого государства, но и для общества в целом. Если это отвергать, то окажется, что при криминализации государство использует *свободный метод*, т.е. такой, который связан с субъективным усмотрением правоприменителя.

Представляется, что в данном вопросе права человека не являются сегодня тем сдерживающим началом, которое ставит серьезный заслон на пути произвольной криминализации общественных отношений. Свобода личности, соблюдение прав человека и т.д. всегда могут быть отодвинуты в сторону под лозунгом безопасности, и именно последняя составляющая теперь является своеобразным инструментом в руках государства при обсуждении вопросов установления запретов в уголовно-правовой сфере. Безусловно, произвольной криминализации общественных отношений, даже исходя из принципа коллективной безопасности, – не должно быть. Однако проблема состоит в том, что сегодня мы не знаем и не можем назвать универсальных границ свободы поведения человека, той границы, которая могла бы указывать на то, где криминализация возможна, а где – нет. По определению, такой условной границы никогда и не будет, поскольку она зависит от многих факторов и обстоятельств, значение которых меняется в контексте развития исторических событий и напрямую связано с изменением общественно-политической обстановки. И в этом аспекте государство всегда пытается обосновать тот интерес, который защищает, какие бы права и свободы личности при этом не были бы ограничены.

С другой стороны, государство всегда может взять на вооружение простой тезис: права и свободы человека должны быть защищены не только от возможного произвола со стороны государства, но и также от произвола со стороны конкретной личности. Поэтому идея прав и свобод человека может быть использована в качестве легитимного средства для оправдания ограничительных мер, необходимых для того, чтобы оградить само общество от опасных индивидов. Следовательно, права и свободы человека – это не панацея, они могут использоваться и как средство криминализации и как такое же средство ограничения этой самой криминализации.

И теме не менее, если мы говорим о том, что преступление органично связано с вредом, ибо только оно (преступление) причиняет вред, тогда и подобное деяние является общественно опасным, а не наоборот, как это часто бывает, – деяние становится общественно опасным только потому, что стало запрещенным. В этом отношении извечная проблема *malum in se* и *malum prohibitum* обретает некоторые контуры, т.к. *malum prohibitum* всегда связано с элементом усмотрения. Однако разделяя данные понятия, мы должны четко понимать, что криминализация может преследовать различные цели и выполнять нетождественные

функции, в том числе связанные с социальным контролем, как своеобразным инструментом удержания и отказа субъектов от притязаний на властные отношения. В этом контексте не мораль лежит в основе процесса криминализации, а совсем иные ценности и установки, которые, как впоследствии оказывается, и формируют ту самую мораль. Поэтому деяния на подобии *malum prohibitum* всегда таят в себе элемент «неявной» общественной опасности. Общественного порицания и наказания (осуждения) могут заслуживать многие деяния, но это не повод всегда их возводить в ранг преступления.

Вот здесь и встает главный вопрос: криминализация по своей сути направлена на возмездие или предупреждение? От ответа на него зависит многое, в том числе и реализуемая государством уголовно-правовая политика, ее облик и содержание. Согласимся и с тем, что ответ на данный вопрос всегда будет неодинаковый, но это не повод для того, чтобы любое аморальное поведение приравнивать к преступлению. Это и понятно, т.к. если деяние аморально, оно же становится и нелегитимным. Однако сегодня никто толком не может объяснить, насколько аморальное поведение должно превращаться в преступление, а не в правонарушение.

Рассуждая о криминализации общественных отношений и связи данного процесса с измерением общественной опасности совершаемых деяний, следует сказать о том, что регулирующая функция уголовного права в этом вопросе является вторичной, т.к. уголовное право никогда напрямую не регулирует существующие общественные отношения. В любом случае государство, устанавливая определенные правила поведения и законодательным образом формулируя основания для их криминализации (определенной области правоотношений), всегда эту самую криминализацию рассматривает как средство для закрепления существующего *statu quo*. Регулятивная же составляющая может иметь место быть только лишь в случае установления факта совершения преступления. Информационное воздействие уголовного права не может автоматически накладывать на участников общественных отношений позитивные права и обязанности [2, с. 220].

В силу сказанного, криминализация сегодня воспринимается как *элемент управленческой деятельности* государства, где феномен общественной опасности не имеет принципиального значения. В этом своем качестве криминализация порой отождествляется с превентивной деятельностью государства, игрой на опережение, когда необходимо посредством установления уголовно-правовых запретов предупредить определенную линию нежелательного поведения участников общественных отношений. Таким образом, криминализация как средство защиты неких ценностей может перерасти в криминализацию-защиту новых продвигаемых (или навязываемых) кем-то ценностей или социальных стандартов. Измерить данный процесс характером и степенью общественной опасности не всегда представляется возможным, т.к. доля условного момента в такой ситуации потенциально всегда будет довлеть над исследователем.

Вот здесь и возникает еще один вопрос: а именно о стандартах и критериях криминализации, т.к. всегда этот процесс условен и связан с поиском оптимальных критериев (рациональных оснований) между свободой личности и безопасностью государства. Поэтому всегда важно соблюдать баланс и не переступать черту избыточного ограничения прав и свобод граждан [3, с. 151-166]. В этом контексте идея безопасности, которая фактически в настоящее время лежит в основании развития уголовного права утилитарного характера, вбирает в себя не столько уголовное право «наказательного» типа, сколько уголовное право «превентивного» типа, где место общественной опасности сведено к минимуму, ибо в такой парадигме общественная опасность заменяется целесообразностью.

Заключение и выводы

Таким образом, в период смены парадигм и развития общественных отношений уголовное право классического типа вытесняется уголовным правом утилитарного типа, где понятие преступления теснейшим образом связано с причинением вреда, а общественная опасность играет вспомогательную функцию. Такое положение дел характерно для системы, в

основе которой лежит идея безопасности государства. В данном случае не общественная опасность деяния формирует уголовно-правовой запрет, а элемент целесообразности, и в основе криминализации общественных отношений зиждется постулат о коллективной безопасности общества и государства. За всем этим кроется смена ориентиров и в понятии преступления центр тяжести смещается с самого деяния на личность деятеля. Такая ситуация указывает и на модернизацию предмета и метода уголовного права, где центральное место будет отводиться уголовному праву превентивного типа. Отсюда становятся неизбежными постулаты о замене теории криминализации общественных отношений.

Литература

1. Генрих, Н. В. Криминализация в системе институтов современного российского общества / Н. В. Генрих. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 184 с. – Текст : непосредственный.
2. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / ответственные редакторы В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. – Москва : Наука, 1982. – 304 с. – Текст : непосредственный.
3. Хилюта, В. В. Глобальная инструментализация уголовного права / В. В. Хилюта. – Москва : Юрлитинформ, 2020. – 240 с. – Текст : непосредственный.